

Запись школы общины с отцом Хулианом Карроном

Милан, 26 февраля 2014 г.

Текст: Л. Джуссани. У истоков христианского притязания. Гл. 8. П. 5-6.

- **Parsifal (Canzone dell'ideale)**
- **Witness**

Gloria

В прошлый раз мы решили работать над вопросом «Кто такой Иисус?» Что нового открыла нам работа над восьмой главой? Это совсем не риторический вопрос вроде тех, что задают в начале работы, а затем забывают. Всё в этой главе говорит о нем, нет ни единой строчки, в которой бы он не звучал. И я не просто вновь задаю его, но еще настойчивее подчеркиваю его содержание. Как работа над этой главой и то, что мы узнали об Иисусе, позволяет нам отвечать на вызовы, брошенные нам обстоятельствами, обществом, культурой, новыми законами? Можем ли мы пребывать в рамках этих обстоятельств и вызовов, не избегая драматизма, который они приносят в жизнь, глядя на все в свете школы общины? Или же школа общины остается, в конечном счете, чем-то сугубо личным, не способным помочь нам в ответе на антропологические и этические вызовы, обсуждаемые сегодня в обществе? Вот вопросы, на которые нужно ответить, исходя из второй части главы.

Начну со следующего письма: «Меня очень поразило, что ты несколько раз спрашивал на школе общины: “Как мы отвечаем на вопрос о том, кто такой Иисус? Как на него каждый из нас отвечал в течение прошедшего месяца” [не абстрактно, исходя из того или иного факта, но именно работая над школой общины]. Каждый раз, когда ты спрашивал, я чувствовала, как вздрагивает мое сердце, мне все существом хотелось найти ответ. Я очень часто говорю об Иисусе, говорю с Иисусом, но на твой вопрос я ответить не смогла, и это не оставляет меня в покое. На протяжении последнего года я много раз видела Его в действии, признавала Его и переживала на опыте... Раньше я была очень циничной и нерешительной, но отвечая Ему да, становишься счастливее. Я догадываюсь, что мое счастье состоит в том, чтобы полностью ввериться Ему. Но, если мне не удастся ответить на вопрос, кто такой Иисус, какие основания и смысл имеет все остальное?»

Об этом же свидетельствует и другой человек: «Со школы общины я ушла, пораженная твоим емким вопросом, заданным в конце: “Эта глава должна пробудить в нас вопрос о том, кто такой Иисус и познаем ли мы Его все больше”. Вопрос кажется почти банальным, но я даже на секунду о нем не задумалась [а ведь это первое, о чем спрашивает Джуссани! Вы видите, что мы можем работать над школой общины, упуская из вида суть главы. А если не принимать эту суть всерьез, можно говорить прекрасные вещи, но мы не осознаем восьмую главу в том ключе, в каком понимал ее Джуссани]. Я стремилась понять каждый отдельный смысловой узел главы, и мне даже казалось, что я сравниваю с содержанием свой опыт, но осознание оставалось раздробленным, и именно твой вопрос вновь вернул меня к исполненному любви диалогу. Возвращаясь домой, я спрашивала себя: “Кто Ты для меня, Иисусе?” Я не отложила этот вопрос в сторону и надеялась увидеть ответ в реальности. В нашей группе школы общины нас призвали работать, имея в виду твои слова: “Не абстрактное рассуждение помогает нам расти,

расширяет наш разум, а открытие в человеческом опыте истины достигнутой и изреченной”. Ну, в этом я просто специалист! Честно говоря, я нередко работаю над школой общины, теряясь в идеальных размышлениях, которые меня только отдалают. А где же нахожусь я? Это ужасно – не обращать на саму себя серьезный и исполненный любви взгляд, но часто так и происходит. Я читала школу общины, читала о том взгляде, которым Иисус смотрит на меня, в котором выражается Его любовь, я читала это, стараясь избавиться от ностальгии. Но чувствовала себя грустной, “отрезанным ломтем”. А потом произошло одно событие, которое я не могла себе даже представить. В тот день, как всегда, вернулась из школы моя тринадцатилетняя дочь Летиция. Мы сели за стол вместе с другими детьми. Летиция вдруг стала странно разговорчивой (обычно она довольно молчалива) и сообщила о том, что преподаватель итальянского рассказал им про Леопарди. Потом пошла к себе в комнату, взяла сборник стихов и стала читать некоторые из них. Младшие дети быстро заскучили и ушли. Так у нее появилось больше пространства для самовыражения. Я очень ее люблю, у нее солнечный, но в то же время “грустный” темперамент; она часто направляет меня, и я многое поняла благодаря ей. В общем, Летиция дня всех нас – большая поддержка. И вот, она читает, пересказывает своими словами услышанное в классе. По памяти цитирует слова: “Тот, кто много любит, но не любим, обречен на то, чтобы жить, ощущая нехватку”. Я поняла, что учитель объяснил Леопарди не на примере простых его стихов, он показал сердце поэта. Тогда я спросила: “Почему он тебе так понравился, почему ты об этом рассказываешь?” Ее ответ мне никогда не забыть, он заполнил мою повседневность: “Леопарди грустный, и я чувствую, что он близок мне; но все-таки он слишком грустный. Невозможно жить так всю жизнь. Я рассказываю это тебе, мама, потому что ты любишь пошутить, но глядя на тебя, я думаю, что ты – ностальгия, и это мне очень нравится”. Я просто язык проглотила. Этот кусочек реальности объяснял мне саму реальность и то, из чего я создана. Я нашла в своей человечности “мгновение истины, достигнутой и изреченной”, которое никакое мое совершенное размышление воспроизвести бы не смогло».

Мать осознает, кому она принадлежит, кому она принадлежит как личность, потому что находится перед лицом дочери, которая заставляет ее понять вещи лучше, чем все ее размышления, и это возможно, потому что с дочерью произошло что-то, позволяющее ей смотреть на мать таким образом; и мать может чувствовать, что она осознает себя. Почему? Только божественное спасает измерения человеческого существования. Мы можем признавать, что познаем Христа, не потому, что говорим о Христе, но потому, что Он помогает нам становиться самими собой.

Другая наша подруга пишет: «Как близкие отношения со Христом могут не стать интимизмом? Я спрашиваю тебя об этом, поскольку мое постоянное желание этой близости [мы предчувствуем, что в ней есть нечто основополагающее для жизни, но как часто нас одолевает беспокойство, подозрение, что наши слова о Христе превращаются в интимизм, что они не являются действительно реальными] хорошо объясняет отец Джуссани в одном своем выступлении 1982 года, которое так и называется – «Близкое знакомство со Христом» (*Familiarità con Cristo*). Он говорит, что близость со Христом – “это как если бы некий ветер вырвал нас из всего того, чем мы являемся; тогда сердце вновь становится свободным или, лучше сказать, просто становится свободным: оно продолжает жить во плоти, то есть ошибается, как и прежде, но словно, что-то иное вошло в мир”. Это в точности опыт самой великой свободы, который я переживаю. Мне по-настоящему необходимо, чтобы Он освободил меня от того, чем я являюсь, и обновил мое

сознание. Каждый день я прошу, чтобы освобождение повторялось вновь, и не всегда оно происходит просто и непосредственно. Но невозможно этого не желать. В то же время я не знаю, чего просить у компании [видите, в какую проблематику мы погружаемся?]. Несмотря на то, что у меня есть желание, иногда я чувствую себя отчужденной – даже с людьми, которых люблю. Возникает вопрос: а не придумываю ли я все себе, ведь я никогда не чувствовала подобной отчужденности за многие годы в Движении. И самое ужасное – эта рана не заживает, а углубляется, и часто я боюсь, что уже оставила Движение. Мы делаем прекрасные жесты, в которых наше сердце очевидно счастливо, но потом, мне кажется, они не становятся суждением, позволяющим все больше двигаться к тому, чего желает наше сердце. Тогда я задаю себе вопрос: как тебе, Хулиан, компания помогает оставаться на этом уровне близости со Христом. Каким образом компания превращается для тебя в путь?»

Иными словами, почему близость со Христом не является интимизмом? Мне компания помогает жить близостью со Христом, потому что постоянно побуждает меня: даже когда я переживаю ее не в полноте истины, даже когда она возражает, даже когда я встречаюсь с провокационными вопросами, компания всегда помещает меня на путь поиска. Совсем недавно, слушая литургию (которая тоже является «школой»), я осознал две вещи. Евангелие рассказывает о том, как Иисус пришел в Назарет и всех поразила Его речь. Здесь можно было бы подумать, что присутствие Иисуса должно облегчить этим людям вхождение в отношение с Ним, а значит с тайной Его личности. И кто-то сказал бы: «Вот, Он составляет мне настоящую компанию». Но поразительно, как за личностью, пробуждающей такое удивление, я могу и не следовать, могу не искать моему удивлению сообразного объяснения. И тогда вместо следования за удивлением с целью лучшего его понимания начинается отступление от того, что пробудило во мне это Присутствие, и некоторые люди спрашивают: «А не плотника ли Он сын?» Этот вопрос изначально исполнен скептицизма. Те же, кто все больше стремился к Иисусу, спрашивали о другом: «Кто же Он? Кто Сей?» И как раз их вопрос был истинным, потому что, чем больше Он присутствовал, тем больше они стремились искать Его. А вопрос «Не плотника ли Он сын?» не истинный. Чтение заканчивается фразой: «И соблазнялись о Нем». Компания, данная ради близких отношений, для кого-то стала препятствием, искушением.

И вот вторая вещь, которую я открыл в литургии. Компания может бросать нам вызов неожиданным образом: не удивляя, а проклиная. Когда Давид вернулся с войны, один человек из рода Саулова вышел и начал злословить его (община принимает совершенно иной облик, она не удивляет, а проклиная). И все товарищи Давида стали говорить: «Не позволим больше лаять этому псу, покончим с ним». Такова реакция. Но царь отвечает: «Если Господь повелел ему лаять, злословить меня, если Он позволяет ему проклинать меня, кто мы, чтобы мешать Ему?»

Способ, с помощью которого компания выходит мне навстречу и вводит меня в близкие отношения со Христом, могут быть разными. Проблема в том, как я реагирую: отступаю ли даже перед прекрасной компанией (рождающей удивление) или иду до самой сути, хотя меня и злословят, – потому что и то, и другое призывает к отношению с Ним. Проверим, каждый ли раз компания, выходящая нам навстречу тем или иным образом, является вызовом. И тут важно, делаю ли я шаг назад или стремлюсь добраться до сути, до признания того, что открывает мне компания. Компания есть всегда: иногда у нее может быть одно лицо, иногда другое, но она всегда к чему-то побуждает. Часто благодаря компании Он становится для меня столь же присутствующим, как для тех, кто

видел чудесный лов рыбы или усмирение бури. И это способно растрогать меня до слез. Для учеников Иисус присутствовал так явно, что ни о каком интимизме и речи быть не могло. Нет никакого интимизма – все вытекает из отношения с реальностью, через которую Тайна, Христос, достигает нас. Тогда все становится возможностью отношения с Ним. И не важно, посредством каких лиц это случается, ведь Тайна выходит мне навстречу, зовет меня, призывает через любое обстоятельство. Как говорит Давид, даже через того, кто лает, как собака. За этим знаком, за этим обликом всегда скрывается Господь, но часто мы отступаем, даже не попробовав разглядеть Его. И если мы не поймем, что Он становится присутствующим через любое обстоятельство (потому что реальность соткана из Христа) и все, с чем мы сталкиваемся, – Его знак, тогда любая вещь превращается в возражение, а не в возможность войти в близкое отношение с Тайной.

Чем дальше человек продвигается вперед, тем больше он осознает, сколь бесчеловечно отдавать жизнь безымянности, ведь все, чему мы даем жизнь, чему отвечаем, каким бы образом оно нам ни являлось, – это личность, Бог. Поэтому у некоторых возникает следующий вопрос: «Думаю, работа над школой общины ошеломительна из-за насыщенности содержания и новизны, которую она приносит в мою жизнь. Но сейчас у меня не получается идти вперед, и, по-моему, причина кроется в том, что я не понимаю слов отца Джуссани на странице 129: “Человеческим будет дарение себя только личности, человеческой будет только любовь к личности [Бога] <...>. Следовательно, любой долг – это осознание воли Божией”. Я не понимаю эту фразу! Ничего не понимаю! Что значит: Бог – это личность? Что значит “долг” – это осознание воли Бога? Что значит: деятельность человека отождествляется с молитвой?»

Вместо объяснения отвечаю свидетельством. «Я был поражен, читая слова Джуссани в пункте Школы общины “Дар себя самого” и сравнивая их со своей жизнью: “Человеческое существование разворачивается в служении миру, человек достигает полноты своего бытия, отдавая себя, принося себя в жертву”. И чуть дальше [счастье достигается через такой вот парадокс]: “Здесь подчеркивается парадоксальность этого закона: достижения счастья через жертву. Но, чем больше его принимает человек, тем больше он уже испытывает в этом мире большую полноту. Иисус называл ее *мир*”. Если по первой части у меня не было возражений, то во второй я не мог понять одной вещи [и он рассказывает, что влюбился, а девушка не ответила взаимностью, и вот, после всех безуспешных попыток, он разозлился и стал избегать тех мест, где мог бы встретиться с ней – “с глаз долой из сердца вон ”. Ситуация казалась безвыходной: как можно говорить, что счастье способно прийти через такую жертву, которую его просили принести? И вот тут, вместо того, чтобы избегать или продолжать добиваться ее, он поступил иначе...]. Возвращаясь домой после школы общины, я подумал о том, когда в последний раз испытывал опыт мира и полноты [вместо того, чтобы следовать за фантазиями, он исходит, как мы были научены, из опыта: «Когда я в последний раз переживал мир и полноту?»]. И я вспомнил, как в январе вернулся из Святой Земли. Обстоятельства не сильно отличались от сегодняшних: все та же несчастная любовь, та же усталость, но я постоянно воспринимал себя в отношении с Ним. Я помню, как, глядя из самолета на ночной город, увидел огни домов и подумал: “Господи, в Твоем сердце – все эти люди, все мы, Ты создал нас такими маленькими, но все мы в Твоем сердце и можем жить только в отношении с Тобой”. И внутри несоразмерности, которую я чувствовал между Ним и собой, было, тем не менее, присутствующее и живое отношение. Обратившись к повседневной учебе и общению с этой девушкой, я обнаружил, что

именно это отношение [отношение с личностью Бога] позволяло всему происходить, освобождало меня от рабства “образа действия” и “формы”. Мне удавалось смотреть на любимую девушку с нежностью, которая пугала меня, столь сильной она была и столь явно не я породил ее. Наверно, так будущая мама чувствует в своем животе движение ребенка. Он ее, он в ней, но не ее, не она заставляет его двигаться, у него своя жизнь, он другой человек. Вот и моя нежность к девушке позволила мне не видеть и не слышать ее – и я не стремился убежать от нее, просто я был переполнен, и отсюда рождался интерес к самостоятельной учебе, терпение, с которым я взялся за книги и начал готовиться к экзаменам... Мне не хватает именно этого [чтобы проживать так все, чтобы через эту жертву достичь счастья]. Вспоминая умиротворение, пережитое внутри жертвы, я понял, чего мне не доставало [и тут становится ясно, почему Бог – это личность]. Мне не хватает отношения с Ним [с Его Присутствием], не хватает жизни, успокоенной уверенностью в Его телесном присутствии. Только в отношении с Ним я могу любить бескорыстно ту девушку [каждый из нас знает: так может сказать лишь тот, кто пережил это на опыте, в любом другом случае по-прежнему господствовала бы нехватка и озлобленность из-за невозможности быть с ней] – как на расстоянии тысячи километров, так и в пяти сантиметрах от нее, без иллюзий и боли. Я утомлен, но не разбит. Только так я могу утверждать ее судьбу, любить тот факт, что не являюсь предназначенным для нее спутником. Что, возможно, для нее избран человек, которого я меньше всего хотел бы видеть рядом с ней, которого не выношу. И таким образом, жертва – это не поражение, это не опустошение желания, но позволение взять меня согласно Его замыслу, который является моим истинным благом. И я говорю так не потому, что это правильно, – еще месяц назад это было моим опытом. Я желаю оставаться в отношении с Ним [видите, до какой степени именно оно определяет личность? Когда мы находимся в этом отношении, начинаем понимать, кем является Бог как личность]. И сейчас, не живя в полной мере этим отношением, я чувствую себя сиротой». Действительно, отсекая это отношение, мы ощущаем его отсутствие так же остро, как дети без родителей. Но чем подпитывать это отношение? На вопрос отвечает опыт, о котором мы сейчас услышали. Только возвращаясь к признанию Его, наш друг признает, что Он существует. И таким образом может постоянно открываться Его присутствию.

Можно продолжать читать и другие свидетельства, но, как вы сами видите, они не всегда отвечают на вопрос. Все ответы – истинны и способны стать важными отправными точками, но они не отвечают на вопрос, поставленный восьмой главой. Почему она отвечает на вопрос «Кто такой Иисус?», как это можно обнаружить при целостном взгляде на текст?

Хочу привести отрывок, который помогает понять связь всей главы и с теми событиями нашей жизни. В заключении к восьмой главе отец Джуссани говорит: «Иисус Христос пришел в мир не для того, чтобы замещать человека в его трудах, отнять у него свободу или устранить человеческие испытания <...>. Он пришел в мир для того, чтобы напомнить человеку суть всех его вопросов, его основополагающую структуру и его реальное положение. Действительно, все проблемы, которые возникают у человека в жизненных испытаниях, усугубляются, вместо того чтобы разрешиться, если не сохраняются определенные основополагающие ценности. Иисус Христос пришел, чтобы вновь призвать человека к истинной религиозности, без которой всякое притязание разрешить проблему обращается в ложь». Здесь отец Джуссани предлагает нам критерий, позволяющий проверить, правильным ли образом мы относимся к нашим проблемам

и тем вызовам, которые бросает жизнь и которых нам не избежать. «Иисус Христос пришел, чтобы вновь призвать человека к истинной религиозности, без которой всякое притязание разрешить проблему обращается в ложь [он не пользуется полумерами и прямо говорит: «Это ложь»]. Отец Джуссани указывает, что именно в истинной религиозности и в переживаемой зависимости находится критерий суждения и ключ к разрешению человеческих проблем. Какая ответственность и какая задача возлагается на каждого из нас в настоящей исторической и культурной ситуации, перед лицом попыток властей, политики и средств массовой информации перевернуть христианскую идею человека и семьи через навязывание с первых лет жизни свое воспитание (достаточно посмотреть на школьное образование, осуществляемое в рамках этой идеологии)? Очевидно, что оно находится в абсолютном противоречии с истинной религиозностью и с вытекающим из нее пониманием свободы. Это острая тема, кто из нас не слышал об упомянутых вызовах? Газеты и телевидение переполнены ими. И каждый может увидеть, каким образом восьмая глава была для него полезна при ответе на эти вызовы. В противном случае, мы, во-первых, не поймем, каким образом она отвечает на вопрос «Кто такой Иисус?», а во-вторых, сведем ее к «духовности Движения» и предпочтем принимать вызовы нашей жизни, используя другие методы и инструменты. Поэтому я хочу отвечать спокойно, помогая найти ответы на существующие проблемы.

Предлагается работать также и над текстом [«Первой страницы»](#) (Запись выступления Хулиана Каррона на региональной диаконии «Общениа и освобождения». Милан, 25 февраля 2014 г.)

Следующая школа общины состоится в среду 26 марта в 21.30. Мы будем работать над девятой главой – «Перед лицом притязания».

Время Великого поста и Пасхи всегда были для Церкви особой возможностью предстать перед Иисусом, перед тем, что Он сделал, чтобы наша жизнь стала более человеческой, более истинной и более счастливой. Отец Джуссани предлагал реколлекции и пасхальное триденствие для студентов и школьников, желая сопровождать нас в этой работе. Приглашение участвовать в них – дар свободе каждого человека.

Veni Sancte Spiritus